

Гизела Клюк-Деттерер

ВОСПОМИНАНИЯ

"Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Возлюби ближнего твоего как самого себя."

Мат. 22; 37, 39

Своего отца, Клюк Артура Вильгельмовича (род. 1891 г.),

пастора лютеранской церкви в г.Маркштадте, я знаю только по рассказам мамы и бабушки и по молитвам, в которых которых мы просили Бога вернуть нам нашего папу. Его арестовали в 1930 году

без права переписки.

Доходили до нас слухи, что он жив, работает на лесоповале наряду со всеми, только молится подлгу вечерами. На вопрос: "Зачем это Тебе?" – он отвечал: "Это единственное, что я могу сделать для своей семьи."

Кто знает... Может быть это е д и н џ с т в е н н о е, что мог сделать папа, оказалось главным, решающим в нашей жизни. Ведь в любой, казалось, безвыходной ситуации, невидимый ангел-хранитель брал нас за руку и выводил.

При первых родах я чудом выжила, разродившись на третьи сутки. Сейчас мучают позвоночник, суставы и пр. Врачи пророчат неподвижность, рекомендуют после каждых 15 м пути ложиться и дать позвоночнику отдохнуть. А я еще в саду-огороде тружусь и дома все делаю.

Артур, мой брат, не раз попадал в сложные жизненные ситуации. Так, однажды на рыбалке на реке Лене он слишком резко завел мотор.Его ударило по руке, плечу, и он оказался в воде, плыть не мог. И надо же было случиться, что именно в этот раз с ним на рыбалке был хирург. Он вытащил его из реки, оказал первую помощь, доставил домой за много километров. Долечиваться пришлось в больнице.

Аврелию (мужу) сделана серьезная операция по поводу тромбофлебита, было и прединфарктное состояние, но ... выкарабкался.

Оля (старшая дочь) болела в раннем детстве костным туберкулезом, в зрелом возрасте получила серьезную полостную гинекологическую операцию. Обошлось...

Ирина (младшая дочь) оперирована по поводу опухоли в груди в онкологическом диспансере. Слава Богу, без последствий. Много серьезных болезней пришлось нам пережить с внуками. Но и из них успешно выбрались.

"In wie viel Not hat der allmächtige Gott über uns Flügel gebreitet ..."

(«Во всякой беде великий Господь простирал над нами спасительные крылья ...»)

Не зря даже дочки говорят, что молитвы нашего папы, видно, и до них дошли и спасла и сохранили. Дай-то Бог! И спасибо папе!

Запросы в разные инстанции о судьбе папы ничего не давали. И только через 62 (!) года мы получили право узнать правду. Папу расстреляли в 1937 году в

Томске. (А мы-то, живя в Томске, искали его по всей России). Сейчас получили и свидетельство о смерти, и справку о его реабилитации. Мама- Клюк Берта Либорьевна (род. 1899 г.) - органистка в церкви – после ареста отца переехала со своими тремя детьми – Людвигом

(род. 1921 г.),
Гизелой (род.

1928 г.) и Артуром (род. 1930 г.) - в город Саратов к своим родителям.

Дедушка, Бенинг Либориус, тоже лютеранский пастор, уже не служил, так как церкви уничтожались.

Бабушка, Берта Яковлевна, в своё время закончила институт благородных девиц и воспитывала нас, своих внуков, с любовью и знанием дела.

Я помню, как дедушка много и интересно рассказывал о Боге, Библии, пел, играл с нами. Особенно запомнилась увлекательная игра, в которую он постоянно играл с нами, когда бабушке

было некогда. Мы сидели за письменным столом, дедушка вырезал из картона оленей, собак, человечков, и мы играли в тундру.

Летом дедушка любил работать в нашем саду-огороде около дома. Он натягивал шнур и по нему прокладывал лопатой, граблями, веником идеальные дорожки, которые потом посыпал песком.

Нам ставили в жару на дорожку ванну с водой, и мы время от времени окунались в неё, а затем, бегали, играли, загорали. В конце сада была лужайка с липами и скамейкой под ними. Там мы

обычно сидели с мамой. Она нам читала, многое заучивали наизусть, на лужайке играли в разные игры. Мама была центром нашего эстетического воспитания. Хотя она очень много работала (ведь она одна содержала семью!), всегда находила время поиграть с нами на рояле, попеть. Незабываемы: "Müde bin ich", "Die Mondscheinsonate", "Der Erlkönig", Weihnachtslieder, Gotteslieder («Я устал, иду ко сну», «Лунная соната», рождественские песни, церковные песни) и многое другое.

Запомнились отдельные эпизоды:

1. Семейные походы в театр, оперу. Задолго до этого мама готовила нас. Она знакомила с произведением, по мотивам которого ставился спектакль. Рассказывала, зачитывала, задавала вопросы нам, как я теперь понимаю, проблемного типа. Таким образом, спектакль становился живой иллюстрацией хорошо знакомого произведения. Особое впечатление на меня произвели тогда "Евгений Онегин", "Фауст" и балет "Лебединое озеро".

2. Начало лета. Мама с нами едет на пароходике по Волге на "Зелёный остров". Он почти затоплен ещё водой, много комаров. Но мама обращает внимание на пробуждение природы, читает соответствующие стихи наизусть. Цветёт шиповник. Какая-то особенная ароматная свежесть вокруг.

Нагулялись, надышались досыта и с букетами весенних полевых цветов и большим количеством щавеля возвращаемся домой.

3. Этот эпизод, единения душевной теплоты, радости с природой, навсегда остался со мной. Помню, когда я лежала в клинике г.Томска, уже много лет проработав учителем, с нарушением мозгового кровообращения и отёком мозга, именно этот эпизод стоял передо мной, охватив меня покоем и умиротворением. Итак, мы с мамой на волжском пляже. Обосновались под кустиком, дающим небольшую тень. Перед нами широкая Волга. Время от времени проплывают то

пассажирские, то грузовые суда, и тогда волны омывают наши ноги. Жарко. Купаемся, загораем. Как хорошо!

И, главное, мама рядом. А значит во всем её бессловесная любвеобильность. Людвиг нашёл бревно и заплывает на нём на середину реки. Идёт пароход. Мама молча волнуется за него, озабоченно ходит по берегу, не выпуская Людвига из вида. Пароход всё ближе, и вот мощные волны поднимают высоко и опускают низко Людвига на его бревне. Но он удержался и, радостный, выплывает на волне к берегу. Загорелые и счастливые вечером возвращаемся домой.

4. У каждого из нас (детей) в огороде своя грядка. Мы её вскапываем весной, удобряем, засеваем кто чем хочет. Летом поливаем, пропалываем, ухаживаем за ней. Осенью собираем урожай. Какая это радость - урожай, выращенный своими руками! Пусть маленький, пусть не совсем удачный, но свой, собственный!

5. За шесть недель до Рождества мы готовили каждый картонную ёлку со свечами. В субботу, воскресенье мы каждую неделю сжигали по свечке. Пока она горела, мы успевали спеть знакомые рождественские песни. А в последнюю, предрождественскую неделю, свечи ставились заново.

Теперь мы уже ежедневно пели перед сном до самого сочельника.

6. Но. вот умер дедушка.... Дядя Бенинг Арвид Либорьевич профессор биологии в Ленинграде, был в заграничной командировке. Без него похоронить не могли. Гроб с телом дедушки неделю стоял на террасе около окна. Была зима, мороз. Каждое утро мы с бабушкой подходили к окну, чтобы поздороваться с дедушкой, а вечером – пожелать спокойной ночи. Мне кажется, именно с этого момента мы, дети, перестали бояться покойников.

А вскоре, в 1935 году, арестовали маму, Клюк БERTУ Либорьевну, на долгих 5 лет, "за антисоветскую агитацию". Её реабилитировали в 1960 году, а нам об этом стало известно лишь через 32 года (!).

Удивляюсь той силе духа, которая помогла нашей бабушке, 68 –летней

старушке, не только прожить эти 5 лет, но и воспитывать нас ежедневно, ежечасно с такой любовью. Она успевала и в школу сходить, и за уроками проследить. Мы, дети, никогда не видели на её лице ни слезинки, ни отчаяния, ни злости.

Пожалуй, этому умению быть стойкой, выдержать во что бы то ни стало, преодолеть все трудности, посланные судьбой, выйти победителем, а не побеждённым, сильным духом – эти качества бабушка воспитала и в своей дочери, и в своих внуках.

Мы попрежнему пели, играли. Только аккомпанировала на рояле теперь бабушка. Материально нас поддерживал дядя Арвид, мамин брат.

А как было хорошо вместе летними вечерами подолгу сидеть на крылечке дома и наблюдать за облаками на небе! Каждый из нас видел в них разных существ и сочинял сказки. Становилось темно и только вдали мелькали огоньки движущихся по горам автомашин. Клонило ко сну...

Людвиг закончил среднюю школу, я училась в 5-м классе, Артур в 3-м, когда вернулась из Дальлага мама. Она была сорокалетней старушкой...

Но с нами ей жить не разрешили: "Саратов – режимный город". Она прописалась в г. Сердобске, где и жила, и работала. Нас навещала по субботам и воскресеньям.

В 1941 году вышел Указ о переселении немцев в Сибирь. Мама радовалась: разрешили ехать вместе - с семьёй.

Старшего брата Людвигу мобилизовали на фронт. Но по дороге провели

"сортировку". Русских – на фронт, немцев – в трудармию. Он попал в город Копейск, Челябинской обл., в шахту. Писал нам до 1943 г. Был болен, температурил, лечиться не давали, заставляли работать. Больше писем не было. На все запросы (накопилась толстая папка) ответ один: "не числится". Пропал человек, растаял, как снежинка...

Дядю Арвида из Ленинграда выслали в Фергану, где он вскоре скончался в тюрьме.

А нас выслали в Сибирь: сначала в деревню Большой Оёш Колыванского района Новосибирской области, а через год в Стрежевой Томской. Бабушка, мама, я и брат Артур. Припоминаются отдельные эпизоды, сказавшиеся на нашем воспитании.

1. Было голодно. Паёк скудный. Сидим, пьём чай с маленьким кусочком хлеба. Мама с бабушкой говорят: "А если сейчас зайдёт голодный человек и попросит поесть, что вы сделаете?" Мы невольно прикрыли свои кусочки рукой.

"А мы поделимся своими кусочками, - сказали старшие, - и чаю погорячее нальём".

Нам было стыдно. Хотелось доказать, что мы не жадные. И вот каждый день мы отрезали от своего пайка граммов 10-20 хлеба и заботливо сушили его в тайнике. Ко дню маминого дня рождения накопился кулёчек сухариков, который мы ей и подарили. Сколько было слез, и радости, и горя одновременно!

2. Однажды зашла к хозяйке квартиры купить молока. Она как раз вылила отстоявшуюся простоквашу в сито. Но сито опрокинулось, и творог оказался на полу. Хозяйка хотела его с пола выбросить в поило скоту, я взмолилась:

"Не надо, его же есть можно!"

- "Ну, подбирай!" - сказала та.

Я подобрала творог и радостно побежала домой. Но... мама была так огорчена и сказала: "Не надо, девочка моя. Этим наедемся только раз. Зато потеряем гордость. А гордость превыше всего."

Это был урок на всю жизнь.

3. Однажды поехали в лес вчетвером с тачкой за сухими сучьями для топки. Нагрузили много. Везти было тяжело и очень далеко. Я так устала, что не было никаких сил больше передвигаться, тем более везти такую тяжесть. Но мама торопила, чтобы засветло добраться домой. Я в изнеможении бросилась на землю и зарыдала... Мама, которая до сих пор меня всё подбадривала, спокойно

так сказала, не останавливаясь: "Жаль, теперь нам будет ещё труднее..." Темнело. Когда они скрылись из вида, я вскочила, догнала их, и мы все вместе довели хворост до дома. Так день за днём воспитывалась выносливость, которая так пригодилась позже, когда ни мамы, ни бабушки уже не было.

4. Маму и бабушку болезни "приковали" к кровати. У мамы – туберкулез лёгких, у бабушки – ревматизм. Лекарств – никаких. Я - единственная работающая в семье. Мне 14 лет. Живем в бараке 4,5 x 4,5 м, шесть семей вместе. Мама использует закрывающийся плотно кувшин из-под воды вместо плевательницы. Я ежедневно должна была дважды уносить кувшин в лес (рядом) и закапывать содержимое в землю как можно глубже. "Никаких болезней не надо бояться, - говорила мама, - надо только строго выполнять правила безопасности." И она была нам в этом живым примером. Ведь никто из нас не заразился. Скольким людям пришлось уже после смерти мамы мне помогать, в основном туберкулёзникам. Я строго соблюдала мамины советы и ...Бог миловал. На всю жизнь осталось стремление лечить больных. Хотелось стать врачом. Но это было несбыточным для репрессированных.

5. С бригадой женщин и девушек заготавливали прут для корзин. Жили на острове в избушке. Весной нас наконец отпустили домой, в Стрежевой. Но лёд на Оби уже поднялся и начал отходить от берегов. Я шла замыкающей с пилой на плече. Женщины прыгали на крутой берег со льдины, которая всё дальше отходила от суши. Когда я прыгнула, льдина резко отошла от берега, и я оказалась в воде. Пилу как-то ещё перебросила через голову, а женщины на берегу, ухватившись за её ручку с другой стороны, вытянули меня. Все оставшиеся 6-7 км до Стрежевого мы бежали. Я знала, что главное добраться до дома. Там меня ждут, волнуются, любят, помогут. Чувство локтя в нашей семье поддерживало в любых ситуациях.

Всё обошлось, даже насморка не было.

6. Рубила дрова. Хотела быстро, ловко, по-мужски. Левой рукой поддерживала полено. Но ... промахнулась и отрубила себе часть большого пальца с костью. Рана долго не заживала, гноилась. Зато запомнилось: нельзя спешить, когда торопишься, тем более казаться не тем, что ты есть на самом деле.

7. За стеной нашей общежитской комнаты - недостроенная комната. Нештукатуренная и без печи. Туда поздно вечером запирали на всю ночь холодной зимой провинившихся и непослушных, в основном по одному. Нечеловеческий вой доносился оттуда по ночам, женский безутешный плач. Мама прорыла под полом дыру, через которую мы передавали бедолагам кипяток, шмотки, скудную еду. Они хоть обмораживаться перестали. К утру следы помощи тщательно убирались.

8. Первое увлечение в 15 лет, первый поцелуй. Прилетела на крыльях любви к маме и рассказала ей о своей радости. Мама внимательно выслушала, поделила мою радость, рассказала о своих увлечениях и настоящей любви. Она так хорошо дала понять, что не многословие о любви характеризуют ее, а безмолвные искренние поступки; что и в целом-то человека характеризуют лишь его дела, поступки. Мамы скоро не стало. Но различать людей по их поступкам, кажется, я научилась на всю жизнь.

9. Накануне мама спела (после долгого молчания: не до песен было) свою любимую песню: „ Müde bin ich" («Я устал, иду ко сну»).

А утром 18 июля 1943 года в шестом часу она разбудила меня и сказала с таким просветлевшим лицом: "Сегодня я умру. Я видела как небо раскрылось и множество ангелов меня манили. Учитесь! Обязательно учитесь, чего бы это вам с Артуром не стоило ... Больше всего я нужна ещё Артуру... Но ты должна ему помочь. Главное – учитесь !"

В 10 часов мамы не стало.

Мы с братом очень старались выполнить последний мамин завет. И не безуспешно.

10. Бабушка, предвидя свою скорую смерть, наказывала обязательно найти в Германии семьи Lehlbach и Künzle, чтобы они нас с братом спасли. Но в то время это было как бред и абсолютно нереально.

После смерти мамы бабушка была не в себе. Она постоянно днём и ночью повторяла одно и то же: "Man muss die Kinder adoptieren" («Детей надо усыновить»).

Так до последнего вздоха она думала о нас, детях. 7 октября 1943 года она скончалась. Я в то время работала грузчиком на катере. Бочки с солью выгружали на пристанях, а бочки с рыбой загружали. Артур послал телеграмму о смерти бабушки. Мне ее показали лишь, когда мы из Нижне-Вартовска отправились в обратный путь. Артур хоронил бабушку один...

11. После солидного стрелковца рыбачу в бригаде Слепцова по мелкоречью. У нас большой барак с нарами, рядом банька, которая топилась по-чёрному. Рыбачили круглосуточно, поочерёдно.

Бригадир был большим бабником. Говорили, что у него от разных женщин 13 детей плюс трое от жены. Он их по-своему любил и по мере возможности поддерживал материально.

На утро была моя очередь топить баню, и бригадир велел мне спать в ней. Ночью он пришёл ко мне и стал настойчиво добиваться меня. Мне удалось отбиться, но было ясно, что "жизни теперь не будет." Когда мне об этом совершенно точно женщины сообщили, я решила, что удеру. Ночью села на обласок и поехала в Медведево, где мы с Артуром жили. Надо же было случиться такому счастью, что вскоре причалил пароход "Карл Маркс", который шёл на Александрово. Я поехала.

С трудом разыскала там семью Зеер. Старшие знали по Марксштадту нашего папу, а Роза Александровна работала врачом вместе с мамой в детдоме в Колывани, Новосибирской области. Она выхлопотала нам с Артуром в комендатуре разрешение на выезд в Александрово на учёбу.

Так после двухлетнего перерыва мы снова стали с 15 октября 1944 года учиться: Артур в 5 классе, я - в 7-ом.

12. Первое время жили в семье Зеер. Их было 9 человек в небольшой избушке плюс нас двое.

У нас ни еды, ни одежды, ни денег. "Проживём!" - говорили Роза Александровна и Виктор Августович – единственные кормильцы большой семьи. Но иждивенцами мы быть не привыкли! На выкопанных картофельных полях нарыли себе картофеля на зиму. Чем могли помогали большой семье своим трудом.

13. Вспоминается, как мать Виктора Августовича сорвала с кровати простыню и сшила мне блузку, чтобы я могла ходить в школу. А из маминого старого платья - юбку. "Спать можно и без простыни, а в школу раздетым не пойдёшь", - ответила она на мои возражения.

14. На новый год Виктор Августович принес с рыбзавода забракованные рыбные консервы. Отварили картошку, и получился немислимо праздничный ужин.

15. Оглядываясь назад, с горечью сознаешь, как много было препятствий в жизни, чтобы достичь образования. Всего не описать.

После школы борьба за право выезда, за право поступления в институт. И, наконец, учёба в Колпашевском учительском институте. И здесь уже на втором курсе под предлогом "несвоевременной уплаты за обучение" меня исключили.

Вся группа ходила к директору просить восстановить меня. Но он был непреклонен. Снова мне бороться за право учиться...

Я сообщила случившемся своему любимому школьному учителю математики Владимиру Александровичу Васютину.

Он немедленно выслал мне денег и стал это делать ежемесячно. Сам поехал в Томск и через областную комендатуру направил Швернику (Председателю Президиума Верховного Совета СССР) ходатайство о разрешении мне закончить институт.

закончить институт.

Моё заявление было удовлетворено. Группа закончила институт весной, мне разрешили сдать государственные экзамены осенью.

Полгода я жила в домработницах у одной учительницы с маленьким ребёнком.

Затем, замужество, работа учителем в отдалённых школах северного района, дети, заочное обучение в педагогическом институте и работа, работа.

Но, преодолев невероятные трудности, мы с Артуром выполнили мамин завет. Артур в итоге получил консерваторское образование, я - высшее педагогическое.

Эдит Эмильевна Мютель, хорошо знавшая нашу семью по Саратову, в своем письме из С-Петербурга пишет: "Вас воспитала очень хорошая семья. В ней всегда царил какой-то покой, взаимное уважение, доверие, любовь, ровные отношения друг к другу. Чувствовался распорядок дня, какая-то порядочность, основательность, доброта и вера. Все те качества, воспитанные в Вас бабушкой и матерью, помогли Вам противостоять невзгодам, всем превратностям судьбы".

Да, это так. Именно так. Глядя на прожитую жизнь с высоты своих теперь уже немалых лет, могу сказать, что человека можно воспитать в течение 12-14 лет его жизни. То, что дали нам эти слабые и такие сильные духом женщины - мама и бабушка, хватило на всю жизнь.

В чем была их сила? В искренней глубокой вере. Коль уж выпали такие страдания на их долю, то надо их вынести, преодолеть, сделав при этом как можно больше добра окружающим, которым тоже не легче.

Да, пожалуй, и всё остальное - это выполнение 10 заповедей Господних.

Они внедрялись в нас ежедневно, постоянно, спокойно, терпеливо, настойчиво, не навязчиво.

Нарушить эти заповеди мы с мужем и Артур наверное просто не можем.

Итак, главное, на мой взгляд, в нашем воспитании была искренняя вера, затем внутренняя культура и образование.

Хотелось бы верить, что мы сумели передать всё это своим детям и внукам, а те дальше ...

Деттерер - Клюк

Гизела Артуровна

Январь 1995 г. Томск

31 августа 2001 г.

Германия, Гамбург:

1-й ряд: мы с дочкой Олей,
2-й ряд: дочь Нина, внучка
Римма (дочь Нины), Артём
(сын Ирины), дочь Ирина,
3-й ряд: внучка Наташа
(дочь Оли), внучка Лена
(дочь Нины), Владимир –
муж Нины, внучка Ксения
(дочь Ирины), Леонид –
муж Ольги.

